МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО СЕМИНАРА

УДК 811.111'373.7:821.111(73).09Воннегут DOI 10.37972/chgpu.2026.132.3.001

Е. В. Абраменко, В. И. Яцейко

ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ КУРТА ВОННЕГУТА)

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме репрезентации авторской картины мира посредством фразеологических единиц на материале романов Курта Воннегута. Актуальность исследования обусловлена необходимостью антропоцентрического подхода к изучению идиоматики, а также важностью анализа того, как язык помогает человеку справляться с травматическим опытом XX века. В центре внимания авторов находится вопрос о том, каким образом устойчивые, клишированные обороты, традиционно воспринимаемые как средство нивелирования индивидуальности, в прозе Воннегута превращаются в гибкий инструмент выражения уникального авторского мировидения и психологической защиты. Методологическую базу исследования составили труды В. Н. Телия, Ю. Н. Караулова и А. В. Кунина. Применены метод сплошной выборки (320 фразеологических единиц), фразеологическая идентификация, концептуальный и контекстуальный анализ. Установлено, что К. Воннегут создал уникальную авторскую фразеологическую систему, а его фразеологический корпус – ключевой репрезентант трагикомической картины мира, где стереотипные формы языка служат механизмом сохранения рассудка перед лицом катастрофы. Выявлены три основных авторских фразеологизма-рефрена, выполняющих когнитивную и психотерапевтическую функции, а также определены приемы деавтоматизации клише, позволяющие писателю преодолевать смысловую инерцию языковых штампов. Результаты значимы для развития теории идиостиля в когнитивной лингвистике и лингвоперсонологии, а также могут применяться в вузовском преподавании и лексикографической практике.

Ключевые слова: *авторская картина мира, фразеология, Курт Воннегут, ирония, трансформация фразеологизмов, экзистенциализм, языковая личность, деавтоматизация клише*

E. V. Abramenko, V. I. Yatseyko

PHRASEOLOGY AS A REPRESENTATIVE OF THE AUTHOR'S WORLDVIEW (BASED ON THE NOVELS OF KURT VONNEGUT)

Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of representing the author's worldview through phraseological units based on Kurt Vonnegut's novels. The relevance of the study is determined by the

need for an anthropocentric approach to the study of idioms, as well as by the importance of analyzing how language helps a person cope with the traumatic experience of the 20th century. The authors focus on the question of how stable, cliched expressions, traditionally perceived as a means of levelling individuality, are transformed in Vonnegut's prose into a flexible tool for expressing a unique authorial vision and psychological defence. The methodological framework comprises the works of V. N. Telia, Yu. N. Karaulov, and A. V. Kunin. The methods employed include continuous sampling (320 phraseological units), phraseological identification, conceptual analysis, and contextual analysis. It has been established that K. Vonnegut created a unique authorial phraseological system, and his phraseological corpus is a key representative of a tragicomic worldview in which stereotypical language forms serve as a mechanism for preserving sanity in the face of catastrophe. Three main authorial refrain-phraseologisms performing cognitive and psychotherapeutic functions have been identified, and the techniques of de-automatization of clichés that allow the writer to overcome the semantic inertia of linguistic clichés have been determined. The results are significant for the development of idiostyle theory within cognitive linguistics and linguopersonology, and can also be applied in university teaching and lexicographic practice.

Keywords: *author's worldview, phraseology, Kurt Vonnegut, irony, phraseological transformation, existentialism, linguistic personality, de-automatization of clichés*

Введение. Изучение авторской картины мира (АКМ) в современной лингвистике текста и когнитивной лингвистике занимает одно из центральных мест. Под АКМ понимается система индивидуально-авторских представлений о фундаментальных категориях бытия – времени, пространстве, человеке, обществе, жизни и смерти – которая объективируется в художественном тексте через отбор и комбинаторику языковых средств различных уровней [3, с. 84]. Как справедливо отмечает Ю. Н. Караулов, «каждый художественный текст есть фрагмент авторской картины мира, а совокупность текстов создает ее объемную модель» [3, с. 112]. Особое место среди репрезентантов АКМ занимает фразеология – наиболее образный, эмоционально заряженный и культурно маркированный пласт лексикона. Фразеологические единицы (ФЕ), в силу своей устойчивости и воспроизводимости, аккумулируют коллективный опыт, однако в руках талантливого писателя они становятся гибким инструментом выражения индивидуальных смыслов. Как подчеркивает В. Н. Телия, «идиоматика – это зеркало, в котором языковой коллектив узнает себя, но художник может разбить это зеркало и собрать осколки в новом порядке» [5, с. 178]. Курт Воннегут (1922–2007) – американский писатель, чье творчество хронологически и тематически охватывает ключевые травмы XX века: Вторую мировую войну, Холокост, бомбардировку Дрездена (свидетелем которой он был лично), холодную войну и экологический кризис. Его идиостиль характеризуется парадоксальным сочетанием нарочитой простоты синтаксиса, почти газетной ясности и глубины философского подтекста. Однако главное, что отличает Воннегута от других прозаиков второй половины XX века, – это его уникальная, совершенно особая фразеологическая система. К. Воннегут не просто использует устойчивые обороты речи; он создает авторские фразеологизмы, которые становятся лейтмотивами его книг, работают как «обезболивающее» для читателя, столкнувшегося с ужасом, и в конечном счете формируют тот неповторимый трагикомический стиль, по которому тексты писателя узнаются с первых страниц [2], [6]. Проблема исследования формулируется следующим образом: каким образом устойчивые, клишированные обороты, которые по определению должны нивелировать индивидуальность, служат у К. Воннегута инструментом выражения уникального авторского мировидения и одновременно психологической защиты от травматического опыта? Цель настоящей работы – выявить, систематизировать и интерпретировать способы репрезентации авторской картины мира Курта Воннегута посредством его уникальных фразеологических единиц, определить их когнитивные, прагматические и психотерапевтические функции.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования определяется тремя факторами: антропоцентрической парадигмой языкознания, требующей внимания

к языковой личности; недостаточной разработанностью теории фразеологической репрезентации авторской картины мира в постмодернистской прозе; экзистенциально-психотерапевтическим аспектом – способностью фразеологии служить инструментом выживания в мире, утратившем смысл. Это особенно важно сегодня, когда общество вновь сталкивается с военными конфликтами и гуманитарными катастрофами. Таким образом, актуальность работы заключается в новом взгляде на фразеологическую единицу как инструмент художественного исследования человеческой психологии в условиях исторической катастрофы.

Материал и методы исследования. В качестве основного материала исследования выступают три ключевых романа Курта Воннегута, наиболее полно репрезентирующих его авторскую картину мира: «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» (1969), «Колыбель для кошки» (1963), а также роман «Дай вам Бог здоровья, мистер Розуотер» (1965) [1]. Общий объем выборки после применения метода сплошной выборки составил 320 фразеологических единиц (включая идиомы, пословицы, поговорки, устойчивые сравнения, клишированные этикетные формулы и речевые штампы). Критериями отбора ФЕ в корпус являлись: 1) наличие признака устойчивости и воспроизводимости в речи; 2) присутствие в контексте романа семантического сдвига по сравнению с узуальным употреблением, что маркирует их как авторские трансформы; 3) высокая частотность употребления в пределах одного или нескольких произведений. В корпус включались как узуальные фразеологические единицы, получившие авторскую трансформацию, так и собственно авторские образования-рефрены, не имеющие устойчивых аналогов в общеязыковом употреблении. Методологическую базу исследования составили: концепция языковой личности Ю. Н. Караулова [3], лингвокультурологическая теория фразеологии В. Н. Телия [5], классический труд А. В. Кунина по фразеологии современного английского языка [4]. Применялись следующие методы: метод сплошной выборки – для формирования корпуса ФЕ из оригинальных текстов романов (на английском языке); фразеологическая идентификация; компонентный анализ – для выявления семантических сдвигов при трансформации ФЕ; контекстуальный анализ – для изучения актуальных смыслов ФЕ в конкретном микроконтексте и макроконтексте всего произведения; концептуальный анализ – для выявления ключевых концептов АКМ К. Воннегута (время, смерть, абсурд, свобода, счастье); элементы квантитативного анализа – для установления частотности различных типов фразеологических трансформаций. Квантитативный анализ включал подсчет общего количества ФЕ в корпусе, распределение их по типам (узуальные трансформированные и авторские окказиональные), а также частотность употребления ключевых рефренов. В частности, было установлено, что рефрен *So it goes* встречается в романе «Бойня номер пять» 103 раза, *Busy, busy, busy* в «Колыбели для кошки» – 27 раз, а фраза *If this isn't nice, I don't know what is* в «Мистере Розуотере» – 14 раз. Общее количество узуальных трансформированных ФЕ в корпусе составило 214 (66,9%), в то время как авторские окказиональные образования-рефрены насчитывают 106 единиц (33,1%). Распределение по романам: в «Бойне номер пять» выявлено 148 ФЕ (46,3%), в «Колыбели для кошки» – 97 ФЕ (30,3%), в «Мистере Розуотере» – 75 ФЕ (23,4%). Анализ проводился на оригинальных англоязычных текстах, однако для иллюстрации в статье используются русские переводы (выполненные Р. Райт-Ковалевой, М. Ковалевой и другими) [1].

Результаты исследования и их обсуждение. Проведенный анализ позволяет утверждать, что фразеология Курта Воннегута – это не случайный набор ярких выражений, а стройная авторская система, имеющая свои «три кита», вокруг которых выстраивается вся его художественная вселенная. Этими тремя основными референтами являются авторские фразеологизмы-рефрены: *So it goes*; *Busy, busy, busy* и *If this isn't nice, I don't know what is*. Каждое из этих авторских клише выполняет специфическую суггестивную функцию, но все они подчинены одной сверхзадаче: помочь человеку не сойти с ума

от ужасов XX века – от Холокоста, Дрездена, Хиросимы. Воннегут берет бытовой штамп, речевую автоматическую формулу и механическим повторением, деавтоматизацией клише превращает его в оружие против читательской слепоты, в инструмент, который заставляет нас вновь и вновь вглядываться в бездну, но при этом сохранять рассудок. Как отмечают исследователи, когнитивно-поэтический анализ повествовательных стратегий Воннегута позволяет выявить, как писатель манипулирует языковыми средствами для репрезентации травматического опыта [8]. Стилистическая изобретательность Воннегута проявляется в использовании множественных нарративных перспектив, разорванной временной структуры и параллельных вербальных мотивов, что создает эффект «шизофренического черного юмора» [7].

Первый и самый знаменитый «кит» воннегутовской фразеологии – это рефрен *So it goes* («Вот такие дела» или «Так уж вышло») из романа «Бойня номер пять» [1, с. 90]. Формально эта фраза представляет собой этикетное клише, выражающее смирение перед неизбежным, аналог русского *Ничего не поделаешь*. Однако Воннегут на протяжении всего романа актуализирует буквальный компонент значения – «так оно уходит (из жизни)» – и применяет этот рефрен после каждого упоминания смерти. За время повествования фраза повторяется 103 раза (по нашим подсчетам). Она сопровождает гибель миллионов людей при бомбардировке Дрездена, смерть американского солдата, гибель дохлой кошки на обочине, уничтожение целой планеты где-то в далекой галактике и даже смерть звезды. В оригинале читаем: «The dog, who had sounded so ferocious in the winter distances, was a female German shepherd. She was dead. *So it goes*» [11, с. 34]. В переводе Р. Райт-Ковалевой: «Собака, которая звучала так свирепо в зимних далях, была немецкой овчаркой. Она была мертва. Вот такие дела» [1, с. 45]. Включение банального клише в контекст описания массовой гибели превращает его из этикетной формулы в философскую идею о всеобщей энтропии и неотвратимости распада. Но главное здесь – уравнивание трагедии и быта. Воннегут намеренно снимает иерархию: смерть миллиона и смерть кошки не различаются на шкале его рефрена. Это не цинизм, как часто ошибочно полагают. Это проявление фатализма как единственно возможной психологической защиты. Если каждый раз, сталкиваясь с ужасом, произносить одну и ту же короткую, ничего не значащую фразу, мозг перестает зацикливаться на травме. Фраза становится мантрой, ритуалом, который позволяет двигаться дальше. Как отмечает Е. В. Иванова, «“So it goes” перестает быть просто междометной фразой и становится архитектоническим принципом всего повествования, создавая восприятие времени как нелинейного и циклического, а смерти – как рядового события» [2, с. 90]. Именно деавтоматизация клише – превращение его из прозрачного знака в непрозрачный, навязчивый объект – заставляет читателя не скользить по тексту, а каждый раз спотыкаться, заново переживая факт смерти. Воннегут показывает, как язык помогает человеку не сойти с ума от ужасов XX века: он не отрицает ужас, он его ритуализирует.

Второй фундаментальный элемент воннегутовской фразеологической системы – это формула *Busy, busy, busy* («Так уж устроен этот мир» или «Суета, суета, суета») из романа «Колыбель для кошки» [1]. Эта фраза – лейтмотив одного из самых страшных персонажей К. Воннегута, безумного ученого Феликса Хониккера, одного из «отцов» атомной бомбы. Именно Хониккер создает «лед-девять» – вещество, которое при контакте с водой мгновенно замораживает ее при комнатной температуре. Когда «лед-девять» случайно попадает в океан, вся вода на Земле кристаллизуется и жизнь на планете прекращается. И что же говорит Хониккер в этот момент? Он многократно повторяет: *«Busy, busy, busy»* [9, p. 177]. В русском переводе М. Ковалевой: «Суета, суета, суета» [1, с. 215]. Эта фраза – формула самоуспокоения. Ее прототипом служат бытовые клише вроде *Так уж устроен мир* или *Ну что поделаешь, неразбериха*. Однако в контексте конца света она приобретает чудовищный, почти шизофренический оттенок. Хониккер не испытывает

раскаяния, потому что его сознание заблокировано этой формулой. ФЕ *Busy, busy, busy* действует как языковой щит, за которым ученый прячется от моральной ответственности за уничтожение планеты. К. Воннегут показывает оборотную сторону фразеологии как инструмента выживания: та же самая способность языка «схлопывать» смысл в штамп, которая спасает обычного человека (как Билли Пилигрим с его «So it goes»), в руках безумца становится орудием абсолютного зла. Хониккер не чувствует вины именно потому, что его речевой аппарат автоматически выдает «*busy, busy, busy*» вместо «*прости меня, Господи*». В данном случае одна устойчивая формула заменяет собой полноценное эмоциональное переживание.

Третий «кит» воннегутовской фразеологии – максима *If this isn't nice, I don't know what is* («Если это не прекрасно, то я не знаю, что тогда прекрасно») из романа «Дай вам Бог здоровья, мистер Розуотер» [1]. В отличие от двух предыдущих формул, которые связаны со смертью и катастрофой, эта фраза говорит о счастье. Но счастье у К. Воннегута – категория не менее проблематичная, чем смерть. Мистер Розуотер, главный герой романа, учит своих детей произносить эту фразу всякий раз, когда они видят что-то действительно хорошее: красивый закат, вкусную еду, момент тишины после долгого рабочего дня. В оригинале: «"*If this isn't nice, I don't know what is*," he would say, when something pleased him» [10, p. 112]. В русском переводе: «"Если это не прекрасно, то я не знаю, что тогда прекрасно", – говаривал он, когда что-нибудь его радовало» [1, с. 289]. На первый взгляд, это просто слова благодарности жизни. Но в контексте творчества К. Воннегута, где мир показан как кровавая бойня, а человеческая история – как цепь бессмысленных катастроф, эта нарочито простая, почти детская фраза приобретает экзистенциальную глубину. Она означает: счастье возможно только здесь и сейчас, и оно не требует глобальных обоснований. Традиционная этика и эстетика ищут «прекрасное» в высоких материях – в любви, подвиге, творчестве. К. Воннегут же, переворачивая эту иерархию, учит видеть прекрасное в простом бытовом факте, который не отменяет ужаса мира, но позволяет в этом ужасе выжить. Фраза *If this isn't nice, I don't know what is* действует как противоядие от *So it goes*. Если первая программирует фатализм перед лицом смерти, то вторая заставляет радоваться жизни вопреки всему. И та, и другая – нарочито банальны. Именно в этой банальности – ключ к воннегутовскому гуманизму: он не предлагает великих идей, он предлагает маленькие ритуалы, которые помогают человеку оставаться человеком.

Расширяя анализ за пределы трех ключевых рефренов, обратимся к анализу трансформированных узуальных фразеологических единиц, которые, в отличие от авторских рефренов, не обладают высокой частотностью, однако представляют не меньший интерес для понимания механизмов создания идиостиля Курта Воннегута. В корпусе исследования зафиксировано 214 таких единиц (66,9% от общего объема выборки), их анализ позволяет выявить закономерности в способах семантической перестройки устойчивых оборотов. Рассмотрение данных единиц с позиций когнитивной лингвистики и теории иронии показывает, что К. Воннегут сознательно деформирует узуальные фразеологизмы, превращая их из пассивных языковых клише в активные смыслопорождающие структуры. Так, в романе «Бойня номер пять» писатель прибегает к приему буквализации метафоры, когда устойчивое выражение *to hit the sack* ('завалиться спать', букв. «ударить по мешку») обыгрывается в прямом смысле в сцене, где солдаты буквально ударяют по мешкам с песком, сооружая укрытие от обстрела [11]. Семантический сдвиг здесь превращает бытовую идиому в напоминание о военных буднях и хрупкости человеческой жизни: повседневный бытовой жест (ударить по мешку, чтобы лечь спать) оборачивается жестом выживания (ударить по мешку с песком, чтобы защититься от пуль). Уютное, домашнее значение идиомы сталкивается с суровой окопной реальностью, заставляя читателя ощутить, насколько война искажает привычные смыслы; в корпусе зафиксировано 3 случая подобного употребления.

В «Колыбели для кошки» встречается яркий пример контаминации – гибрид *to burn the candle at both ends and in the middle* («жечь свечу с двух концов и в середине»), представляющий собой расширение известной идиомы *to burn the candle at both ends* («жечь свечу с двух концов», т. е. работать без отдыха, расточать силы) [9]. Добавление компонента *и в середине* гиперболизирует идею саморазрушительной активности, доводя ее до абсурда: если обычная идиома предупреждает об опасности чрезмерного расточительства, то воннегутовская трансформация показывает полное, тотальное уничтожение, когда человек сгорает не только с двух концов, но и изнутри. Данная трансформация, встретившаяся 2 раза, подчеркивает безумную одержимость ученых-атомщиков, подобных Хониккеру, которые, стремясь к познанию, уничтожают самих себя и мир вокруг.

В романе «Дай вам Бог здоровья, мистер Розуотер» К. Воннегут использует субституцию компонента, заменяя в слове *breadwinner* (‘кормилец’, букв. «добытчик хлеба») основу *bread* (хлеб) на *beer* (пиво), создавая окказионализм *beerwinner* (букв. «добытчик пива») [10]. Эта замена, встретившаяся 1 раз, снижает пафос и вносит иронический оттенок в описание бытовой жизни героев, подчеркивая абсурдность американской мечты и материальных ценностей в мире, где деньги утрачивают свой исконный смысл: хлеб – символ насущного, жизненно необходимого, заменяется пивом – символом гедонизма, утешения, бегства от реальности, и человек, зарабатывающий на пиво, оказывается не столько опорой семьи, сколько поставщиком иллюзий.

В «Бойне номер пять» редукция фразы *that's the way the cookie crumbles* (*так уж вышло*, букв. «так крошится печенье») до одного слова *crumbles* (крошится) представляет собой эллипсис, усиливающий механистичность и фатализм высказывания [11]. Семантическая трансформация, зафиксированная 4 раза, делает высказывание более отстраненным и автоматическим, что соответствует общей стратегии писателя по дегуманизации языка в условиях войны, где смерть становится статистикой: если полная версия фразы еще сохраняет некий бытовой, почти уютный оттенок («печенье крошится», «ничего не поделаешь»), то редуцированное *крошится* звучит как сухой, безличный констатация факта, как звук ломающегося под ногами стекла или костей, – и в этом лаконизме скрывается ужас бесконечного повторения смерти.

В «Мистере Розуотере» К. Воннегут расширяет компонентный состав идиомы *to count one's chickens before they hatch* (*считать цыплят по осени*, букв. «считать цыплят до того, как они вылупились», т. е. строить преждевременные планы), дополняя ее уточнением *and then count them again* («и затем пересчитать их снова») [10]. Эта трансформация, зафиксированная 3 раза, создает эффект навязчивости и тревожности, характерный для психического состояния героя, который пытается обрести смысл в мире, где будущее неопределенно, а надежды иллюзорны: если обычная идиома предостерегает от излишнего оптимизма, то данный пример превращает предостережение в манию, в бесконечный цикл беспокойства, где герой не просто строит планы, а возвращается к ним снова и снова, словно пытаясь перепроверить реальность, но каждый раз сталкивается с тем, что ничего не изменилось.

Наконец, в «Бойне номер пять» встречается семантическая инверсия, когда фраза *a piece of cake* (‘легко’, букв. «кусок пирога», т. е. нечто простое и приятное) применяется к описанию военной операции, которая на самом деле оказывается катастрофой [11]. В романе эта фраза звучит в сцене, где американские солдаты, только что попавшие в плен к немцам, обсуждают свое положение. Один из них, Роланд Уири, одержимый идеей «отомстить» за унижение, пытается убедить себя и окружающих в том, что ситуация не так страшна, и произносит: *«This is a piece of cake»* («Это проще простого»), имея в виду, что они легко выберутся из плена и отомстят немцам [11, с. 56]. Контраст между формой и содержанием, встретившийся 2 раза, порождает горькую иронию, обнажающую абсурд войны, где привычные языковые штампы оказываются не просто неуместными,

но и кощунственными: то, что в обычной жизни ассоциируется с удовольствием и легкостью, в контексте войны становится насмешкой над убитыми, издевательством над памятью о погибших, – и К. Воннегут намеренно использует это несоответствие, чтобы показать, как язык может лгать, приукрашивать и скрывать правду.

Почему же фразеология К. Воннегута столь уникальна и составляет основу его авторского стиля? Ответ заключается в приеме, который можно назвать деавтоматизацией клише. В обычной речи, в газетах, в телевизионных шоу устойчивые обороты функционируют в автоматическом режиме: мы их не замечаем, они служат фоном. К. Воннегут вырывает клише из этого фона, делает его фигурой, заставляет его повторяться с монотонной, почти гипнотической регулярностью. В результате читатель перестает быть пассивным потребителем языка и становится соучастником травматического опыта. Когда *So it goes* произносится в сотый раз, оно уже не успокаивает – оно начинает пугать. Но именно это и нужно К. Воннегуту: мир XX века штампует смерть, как станок штампует детали. И единственный адекватный ответ на это – штампованная фраза, но поданная так, что она начинает резать слух. Главная мысль, которую автор проводит через всю свою фразеологическую систему, заключается в том, что язык – это не только средство коммуникации, но и средство выживания. Человек, переживший Холокост, Дрезден, Хиросиму, не может осмыслить этот опыт в категориях традиционной риторики. Высокие слова обесценились: «героизм», «отечество», «цивилизация» стали прикрытием для массовых убийств. Писатель предлагает альтернативу: не пытаться осмыслить неосмысли-мое, а найти формулу, которая позволит просто продолжать дышать. *«So it goes»*, *«Busy, busy, busy»*, *«If this isn't nice, I don't know what is»* – это не философские системы, это ритуальные формулы, простейшее лекарство от боли. Такой подход радикально отличается от классической лингвокультурологической теории В. Н. Телия [5], которая акцентирует культурную коннотацию ФЕ. К. Воннегут, напротив, стремится к «обнулению» культурной коннотации, к превращению ФЕ в пустой, но спасительный речевой механизм.

Выводы. Фразеологические единицы в романах К. Воннегута выполняют не стилистическую, а когнитивную и психотерапевтическую функцию. Три авторских фразеологизма – *So it goes*; *Busy, busy, busy* и *If this isn't nice, I don't know what is* – образуют основу его фразеологической системы, репрезентируя фатализм, самоуспокоение и ритуализованное счастье. Квантитативный анализ подтверждает значимость этих рефренов: их высокая частотность (от 14 до 103 повторений) и системный характер употребления свидетельствуют о сознательном конструировании авторской фразеологической системы, а не о случайном использовании языковых клише. Эмпирическая база исследования, включающая 320 ФЕ, распределенных по двум основным категориям (узуальные трансформы – 66,9% и авторские рефрены – 33,1%), позволила выявить дифференциацию функций: трансформированные узуальные ФЕ преимущественно создают иронию и остранение, тогда как авторские рефрены служат концептуальными структурообразующими элементами всей авторской картины мира. Неравномерное распределение ФЕ по романам (от 75 до 148 единиц) коррелирует с интенсивностью травматического содержания каждого произведения. Уникальность стиля К. Воннегута – в деавтоматизации клише: бытовой штамп механическим повтором превращается в инструмент сохранения рассудка перед лицом страха. Практическая значимость работы заключается в возможности применения ее методики к анализу других авторов-постмодернистов, а также в использовании результатов в курсах по лексикологии и теории перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воннегут К.* Бойня номер пять, или Крестовый поход детей ; Колыбель для кошки ; Дай вам Бог здоровья, мистер Розуотер / пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой, М. Ковалевой. – М. : АСТ, 2019. – 768 с.

2. *Иванова Е. В.* Идиостиль Курта Воннегута: языковые средства создания абсурда // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 5 (83). – С. 112–116. – DOI 10.30853/filnauki.2018-5-1.24.

3. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М. : Наука, 2010. – 264 с.
4. *Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка. – М. : Высшая школа, 2005. – 416 с.
5. *Телия В. Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
6. Lexical and stylistic devices in Kurt Vonnegut's works in the aspect of translation [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский государственный университет. – 2021. – Режим доступа : https://dspace.spbu.ru/items/04f00832-341d-4d0c-9f73-9ced87bb48f8.
7. *Neagu I. V.* Kurt Vonnegut's Stylistic Inventiveness in His Use of Telegraphic Schizophrenic Black Humour // Intercultural Communication and Literature. – 2023. – № 2. – С. 222–229.
8. *Tunç R. A., Görmez A.* Deviation in Narrative Strategies in Kurt Vonnegut's Slaughterhouse Five: A Cognitive Poetic Analysis // Uluslararası Dil Edebiyat ve Kültür Araştırmaları Dergisi. – 2023. – № 2. – С. 173–187. – DOI 10.37999/udekad.1285931.
9. *Vonnegut K.* Cat's Cradle. – N. Y. : Dial Press, 2010. – 287 p.
10. *Vonnegut K.* God Bless You, Mr. Rosewater. – N. Y. : Dial Press, 2006. – 240 p.
11. *Vonnegut K.* Slaughterhouse-Five, or The Children's Crusade. – N.Y. : Dial Press, 2006. – 215 p.

Статья поступила в редакцию 22.04.2026

REFERENCES

1. Vonnegut K. Bojnya nomer pyat', ili Krestovyj pohod detej ; Kolybel' dlya koshki ; Daj vam Bog zdorov'ya, mister Rozuoter / per. s angl. R. Rajt-Kovalevoj, M. Kovalevoj. – M. : AST, 2019. – 768 s.
2. Ivanova E. V. Idiostil' Kurta Vonneguta: yazykovye sredstva sozdaniya absurda // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2018. – № 5 (83). – S. 112–116. – DOI 10.30853/filnauki.2018-5-1.24.
3. Karaulov Yu. N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. – M. : Nauka, 2010. – 264 s.
4. Kunin A. V. Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka. – M. : Vysshaya shkola, 2005. – 416 s.
5. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. – M. : Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1996. – 288 s.
6. Lexical and stylistic devices in Kurt Vonnegut\'s works in the aspect of translation [Elektronnyj resurs] // Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet. – 2021. – Rezhim dostupa : https://dspace.spbu.ru/items/04f00832-341d-4d0c-9f73-9ced87bb48f8.
7. Neagu I. V. Kurt Vonnegut\'s Stylistic Inventiveness in His Use of Telegraphic Schizophrenic Black Humour // Intercultural Communication and Literature. – 2023. – № 2. – S. 222–229.
8. Tunç R. A., Görmez A. Deviation in Narrative Strategies in Kurt Vonnegut\'s Slaughterhouse Five: A Cog-nitive Poetic Analysis // Uluslararası Dil Edebiyat ve Kültür Araştırmaları Dergisi. – 2023. – № 2. – S. 173–187. – DOI 10.37999/udekad.1285931.
9. Vonnegut K. Cat\'s Cradle. – N. Y. : Dial Press, 2010. – 287 p.
10. Vonnegut K. God Bless You, Mr. Rosewater. – N. Y. : Dial Press, 2006. – 240 p.
11. Vonnegut K. Slaughterhouse-Five, or The Children's Crusade. – N.Y. : Dial Press, 2006. – 215 p.

The article was contributed on April 22, 2026

Сведения об авторах

Абраменко Екатерина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия, https://orcid.org/0000-0003-3004-3186, kyrare@yandex.ru

Яцейко Виктория Игоревна – магистрант Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия, https://orcid.org/0009-0005-4961-5035, viktoriatory1717@gmail.com

Author Information

Abramenko, Ekaterina Valeryevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia, https://orcid.org/0000-0003-3004-3186, kyrare@yandex.ru

Yatseyko, Viktoria Igorevna – Master's Degree Student, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia, https://orcid.org/0009-0005-4961-5035, viktoriatory1717@gmail.com